

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

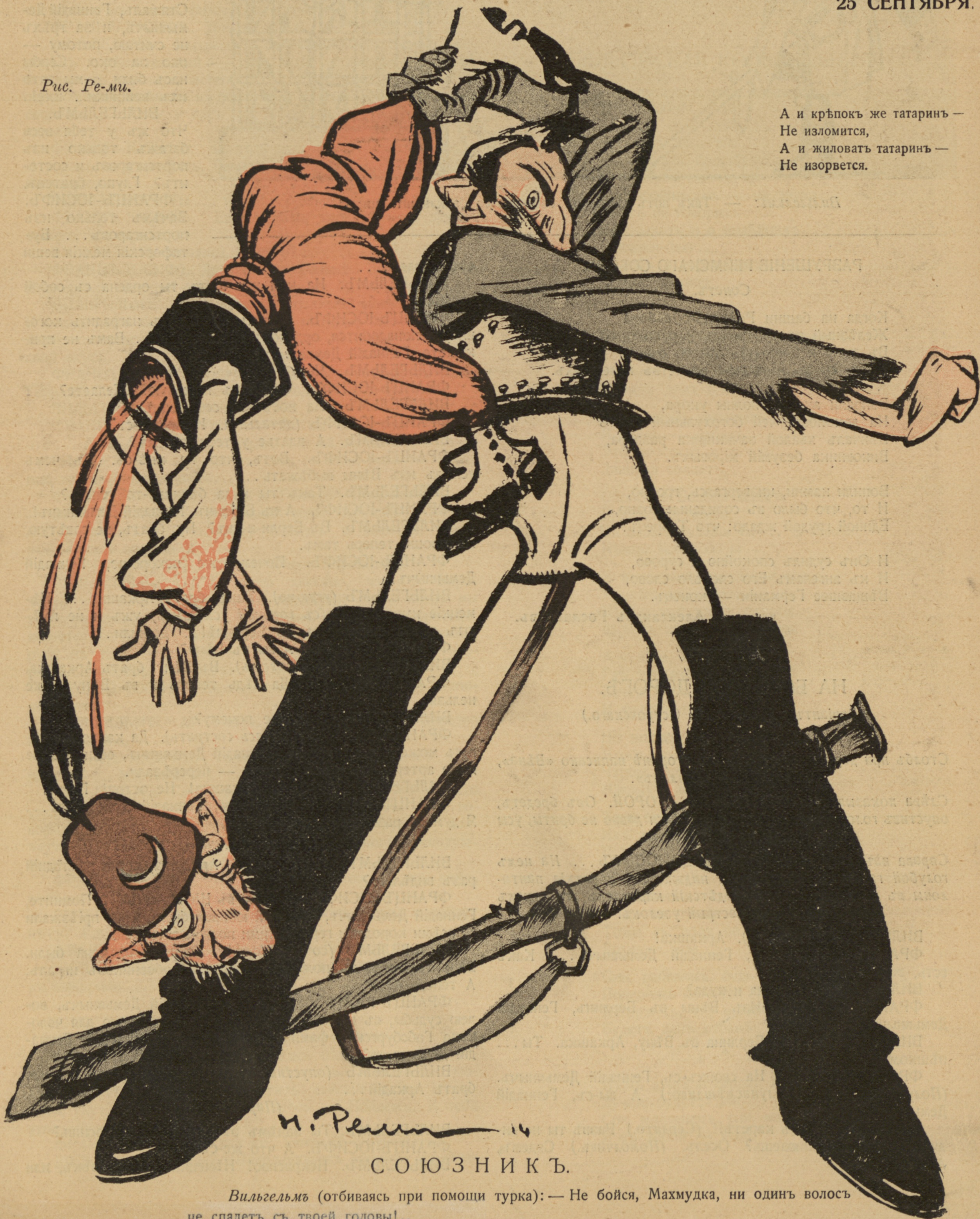
№ 39

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1914
25 СЕНТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

А и крѣпокъ же татаринъ —
Не изломится,
А и жловать татаринъ —
Не изорвется.

И. Реми 14

СОЮЗНИКЪ.

Вильгельмъ (отбиваясь при помощи турка): — Не бойся, Махмудка, ни одинъ волосъ не спадеть съ твоей головы!..

Рис. А. Р.

Вильгельмъ: — Такъ вотъ какъ они собираются „заключить миръ“.

РАЗРУШЕНИЕ РЕЙМСКАГО СОБОРА.

Сонетъ.

Когда на башни Реймскаго собора
Желѣзный падалъ дождь и рушилъ ихъ,
Въ дыму и пламени земного спора
Шель споръ извѣчный воинствъ неземныхъ.

Взирали ангелы, полны укора,
На демоновъ, чей богохульный стихъ
Вѣнчалъ хвалою зачинщика раздора,
Виновника безумій міровыхъ.

Вопили камни, низвергаясь, грозно,
И то, что было въ созиданьи розно,
Единой грудой ждало: что Творецъ?

И Онъ судилъ спокойно и сурово,
И къ ангеламъ Его слетѣло слово,
Вѣщавшее Германіи — конецъ.

Александръ Рославлевъ.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

(Вариантъ «Лѣса» А. Н. Островскаго.)

Столбъ при дорогѢ. На одной его сторонѣ написано «Вѣна»,
на другой — «Берлинъ».

Слѣва показывается ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВТОРОЙ. Онъ бредетъ,
опустивъ голову, видимо, усталый. Щеки давно не бриты, усы
свисли на подбородокъ.

Справа изъ лѣсу выходитъ ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ... На немъ
голубой галстукъ, коротенькій пиджачекъ, короткія панталоны
въ обтяжку, на головѣ дѣтскій картузикъ, въ рукахъ
небольшой пестрый узелокъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (мрачно!). Аркашка!

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. Я, Геннадій Демьянычъ... Какъ
есть, весь тутъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Откуда и куда?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. Изъ Вѣны въ Берлинъ, Геннадій
Демьянычъ... А вы-съ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Изъ Берлина въ Вѣну, Аркашка. Ты...
пѣшкомъ?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. На своихъ-съ, Геннадій Демьянычъ.
(Полузаискиваяще, полунасмѣшливо:) А вы-съ, Геннадій
Демьянычъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Въ каретѣ!! (Сердито.) Развѣ ты не ви-
дишь? Чтѣ спрашиваешь? Осель. (Помолчавъ.) Сядемъ,
Аркадій!

есть, ордена...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. На кой же чортъ ты ордена съ собой
таскаешь?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. А такъ... Вдругъ наградить кого-
нибудь понадобится, орденкомъ пожаловать... Вамъ не при-
кажете, Геннадій Демьянычъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Чего?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. Орденкомъ пожалуйю. Желаете?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. На носъ его себѣ нацѣпи!

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ (печально). Извините-съ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. А платье у тебя гдѣ жъ?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. Вотъ, что на мнѣ-съ. Въ чемъ
успѣлъ изъ Вѣны выбѣжать...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Такъ ты куда бѣжишь-то теперь?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. А въ Берлинъ, Геннадій Демьянычъ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Въ Берли-и-инъ? Ну, братъ, не совѣтую.
Нехорошо теперь тамъ.

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. Почему же нехорошо, Геннадій
Демьянычъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (угрюмо). Такъ, братъ Аркашка... Нѣ-
мецкіе императоры (съ горькой усмѣшкой) ужъ и не имѣ-
ютъ права жительства въ Берлинѣ!.. Дожили...

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. А вы въ Вѣну?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (со вздохомъ). Въ Вѣну, братъ Аркашка.

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. Да вѣдь теперь и въ Вѣну тоже
нельзя...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Это еще почему?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ (пытаясь состричь). Да какая же те-
перь можетъ быть «вена», Геннадій Демьянычъ, если русскіе
даже артерии наши всѣ главныя — перерѣзали.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (грозно). Аркашка! Не остри! Глупо.

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. Извините, Геннадій Демьянычъ...
Я думалъ развеселить васъ.

(Долгое молчаніе.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Мы съ тобой, Аркашка, когда послѣдній
разъ видѣлись?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. У меня, въ Шенбруннѣ... Помните,
Геннадій Демьянычъ, еще мой юбилей былъ, и вы пріѣзжали
со всѣми королями германскими поздравлять меня.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (со вздохомъ). Хорошія времена были.
Вѣдь ты тогда въ политикѣ первыхъ любовниковъ игралъ.
А теперь что?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. Теперь я, Геннадій Демьянычъ, во-
лею судьбы, въ комики перешелъ-съ. Каково это для чело-
вѣка Габсбургской фамилии съ возвышенной душой, Генна-
дій Демьянычъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (опустивъ голову). Всѣ тамъ будемъ,
братъ Аркадій...

(Пауза.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Ты зачѣмъ это бакенбарды носишь?

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ. А что же-съ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Некрасиво! Нѣмецкій ты чловѣкъ, или

нѣтъ? Что за гадость! Терпѣть не могу. Отпусти усы такіе, какъ у меня... Чтобы кверху торчали.

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Да вѣдь они у васъ кверху не торчатъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Что ты врешь? Какъ такъ — не торчатъ?

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Ей Богу, Геннадій Демьянычъ, книзу вѣсятъ. Какъ мокрая-съ, извините, тряпицы...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Ничего, братъ Аркадій, не подѣлаешь. Былъ у меня бинтъ для усовъ — и хорошій бинтъ, жена въ день рожденія подарила — да русскіе его вмѣстѣ съ обозомъ отбили. (Устало.) Я, братъ Аркадій, тамъ и на востокъ и на западъ разстроился совсѣмъ.

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Почему-съ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Характеръ, братецъ. Самъ знаешь, человекъ я рѣшительный — тянуть не люблю, а они развѣ понимаютъ хорошую актерскую игру: на западномъ театрѣ перессорился, поѣхалъ на восточный театр — и тамъ перессорился... Хочу у васъ на австрійскомъ театрѣ попытаться.

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Да вѣдь и у насъ то же самое... И у насъ не уживетесь, Геннадій Демьянычъ. Я вотъ тоже не ужился.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ: Ты... тоже! Сравнялъ ты себя со мной.

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Еще у меня характеръ-то лучше. вашего, я смиренѣе.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (грозно). Чего-о?..

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Да какъ же, Геннадій Демьянычъ-съ? Я смиренный, смиренный-съ... Я никого не билъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Такъ тебя зато били, кому не лѣнь. И всегда такъ бываетъ: есть люди, которые бьютъ, и есть люди, которыхъ бьютъ. Что лучше — не знаю; у всякаго свой вкусъ.

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ (обижаясь). Да вѣдь у насъ съ вами, Геннадій Демьянычъ, оказывается, одинаковый вкусъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Ш-ш-што-сссъ?!..

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ (робѣя). Да вы же сами сказали, что... и на восточномъ театрѣ... и на западномъ...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Смѣешь ты себя со мной равнять!! Тебя всю жизнь били, а меня...

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. А васъ, Геннадій Демьянычъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Не раздражай меня, Аркадій!! Знаешь мой характеръ. (Помолчавъ.) А какъ я воевалъ! Боже мой, какъ я воевалъ!!

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ (робко). Очень хорошо-съ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Да такъ-то хорошо, что... Впрочемъ, что ты понимаешь! Въ послѣдній разъ, когда мы у Марны завязали бой — Наполеонъ Бонапартъ, братецъ, является ко мнѣ... подошелъ, положилъ мнѣ вотъ этакъ руку на плечо и говоритъ: «Ты, говоритъ, да я, говоритъ... умремъ, говоритъ»... Лестно!

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Да вѣдь онъ уже и такъ умеръ, Наполеонъ-то.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. А? Умеръ, братецъ, умеръ. Царство ему небесное.

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Такъ какъ же онъ... могъ сказать-то?.. Мертвый?..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Глупъ ты, братъ Аркашка. Что жъ, что умеръ! Во снѣ онъ мнѣ и явился. Ты, говоритъ, да я, говоритъ — умремъ, говоритъ (закрывъ лицо руками, плачетъ. Потомъ поднимаетъ голову, совершенно равнодушно:) У тебя табакъ есть?

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Ни крошечки. Говорю жъ вамъ, выбѣжалъ изъ Вѣны — въ чемъ былъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Какъ же ты въ дорогу идешь, а табаку нѣтъ? Глупо, братецъ.

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. А у васъ есть, Геннадій Демьянычъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Табакъ? Табаку у меня нѣтъ. Весь турки выкурили... (Пауза.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. А деньги у тебя есть?

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. И денегъ у меня нѣтъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Какъ же ты такъ бѣжишь — безъ табаку и безъ денегъ. Нехорошо, братецъ. (Тряхнувъ головой, встаетъ, пытается подкрутить свисшіе усы.) Ну — идти, такъ идти! Не сидѣть же здѣсь... Пойдемъ. И тебѣ уголь будетъ.

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Куда же, Геннадій Демьянычъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Куда? (Поворачиваетъ дощечку на стол-

Рис. В. Л.

бѣ; на дощечкѣ написано: «Въ Вятку» и нарисованъ указательный палецъ.)

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ. Въ Вят-ку... Въ какую это Вят-ку?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Тамъ увидишь! Туда ведетъ меня мой жалкій жребій. Руку, товарищъ! (Медленно уходитъ.)

Слышна музыка, играющая сначала тихо, потомъ громче «Послѣдній нонѣшній денечекъ». На громовыхъ аккордахъ — занавѣсъ...

Аркадій Аверченко.

БЕЛЬГИЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спи, малютка, спи, младенецъ...
Я съ тобой. Усни.
Бросилъ свой кинжалъ чеченецъ
Въ наши злые дни,
Не слышать башибузука,
И хунхузъ молчить,
О разбойникахъ — ни звука
Свѣтъ не говоритъ...
Не слышать и о индѣйцахъ...
Баюшки-баю...
Я тебѣ о европейцахъ
Лучше пропою.

* * *

Слышишь, дѣтка, всѣхъ сзываютъ?
Слышишь адскій шумъ?
Это нѣмцы въ насъ стрѣляютъ
Пулями думъ-думъ...

Нынче небо смотритъ хмуро,
И вездѣ — набатъ:
Это прусская культура
Двинула солдатъ.

Сбросить Бельгія вериги
Вражеской земли,
Въ школъ будешь ты... А книги
Нѣмцы всѣ сожгли...

И въ странѣ геройской расы,
У цвѣтущихъ сель,
Нѣмцы выстроятъ фугасы
Вмѣсто прежнихъ школъ.

А у лѣса, на опушкѣ,
Гдѣ гуляли мы —
Зачернѣютъ вражьи пушки
И фасадъ тюрьмы.

Но молись — другое время,
Чтобъ пришло скорѣй:
Чтобы стибло злое племя
Наглыхъ дикарей.

Твой отецъ и дѣдъ — герои:
Ихъ запомнить врагъ —
Всѣ легли на мѣстѣ боя
За родной очагъ.

Подрастешь — и ты возьмешься
Тоже за ружье —
Тоже съ поля не вернешься,
Дитяtko мое...

Спи, ребенокъ, будь спокоенъ...
Повернись ко мнѣ...
Я горжусь, что новый воинъ
Будетъ данъ странѣ...

* * *

Пусть душѣ и сердцу жутко —
Лучше будутъ дни...
Спи, младенецъ, спи, малютка,
Я съ тобой — усни.

Арк. Буховъ.

ОПАСНОЕ КУПАНЬЕ.

Англичанинъ: — Ну, что жъ ты, Гретхенъ! Иди же въ воду!

Германія: — Нѣтъ, для меня не сезонъ. Вода холодная! Я лучше на берегу постою..

Нѣмецкій флотъ спрятался въ закрытыхъ портахъ и не хочетъ выходить, несмотря на неоднократные вызовы англійскаго флота помѣряться силами.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Пустыка не хватило...

Германскій генералъ, доставленный въ Нуазиль съ партией плѣнныхъ, былъ отправленъ въ Парижъ и доставленъ въ Домъ Инвалидовъ. Послѣ допроса онъ былъ подвергнутъ обыску, при чемъ, какъ говорятъ, у него былъ найденъ приказъ, подписанный императоромъ, о назначеніи его губернаторомъ Парижа.

Такъ иногда большія дѣла останавливаются изъ-за сущаго пустяка: и человѣка для губернаторства нашли, и приказъ императоръ о его назначеніи подписалъ, и вручили ему этотъ приказъ, и даже въ Парижъ попалъ новый парижскій губернаторъ... Все было такъ хорошо предусмотрѣно и налажено...

Упустили изъ виду только одинъ штрихъ:

Взять Парижъ.

Показывающіе спину.

Артистъ Станиславскій рассказываетъ о томъ, какъ онъ съ товарищами проѣзжалъ Босфоръ:

... Намъ пришлось идти какъ разъ мимо броненосца „Гебенъ“, тоже стоявшаго въ Босфорѣ.

И — курьезный штрихъ — когда мы поравнялись съ „Гебеномъ“ — нѣмцы-матросы демонстративно повернули намъ спины.

Если нѣмецкіе воины поворачиваютъ свои спины даже передъ мирными артистами, то тѣмъ паче они это сдѣлаютъ передъ благородными союзными войсками.

Дѣтскій рассказъ „Наказанное любопытство“.

Изъ письма сестры милосердія:

Развеселила всѣхъ исторія съ казакомъ. Небольшая группа казаковъ нарвалась на нѣмцевъ, и одинъ изъ нихъ попалъ въ плѣнъ.

Командиръ отряда обратился къ нему съ приказаніемъ показать джигитовку, но предусмотрительно предложилъ ему заѣзженную лошадь, а на казацкую сѣлъ самъ.

Отѣхали. Казакъ сталъ продѣлывать на лошади всякіе фокусы; неожиданно, въ мигъ перекинувшись на крупъ своей лошади, скрутилъ руки злополучному командиру и ускакалъ съ нимъ, какъ съ похищенной красавицей, въ свой лагерь.

Нѣмцы обезумѣли, но стрѣлять не могли, опасаясь попасть въ свсего.

Ну, что жъ... Все-таки нѣмецкій командиръ долженъ быть доволенъ: вѣдь ему довелось увидѣть очень трудный номеръ джигитовки.

Карта въ рукавѣ.

Австрійскими начальствующими лицами отдано строжайшее приказаніе принимать мѣры къ тому, чтобы разрывныя пули не попадали въ руки сербовъ. Между прочимъ строжайше приказано старательно обыскивать раненыхъ и убитыхъ австрійцевъ и отбирать у нихъ всѣ разрывныя пули.

А какъ же иначе? Хорошъ бы былъ тотъ шулеръ, который не старался бы спрятать крапленую карту въ рукавѣ-

Три строки.

Война выработала свой особый стиль — стиль древнихъ лакедемонянъ:

Казакъ Уральскаго полка Дьяковъ самолично взялъ въ плѣнъ 3 офицеровъ, 19 нижнихъ чиновъ, 32 лошади и продолжаетъ отличаться.

И больше ничего.

Мать-римлянка.

Война даритъ насъ потрясающимъ ужасомъ; она же даритъ насъ и незабываемой красотой:

Недавно французскіе журналы сообщали о генералѣ Кастельно, встрѣтившемъ во время наступленія трупъ своего сына. Генералъ не остановился и только по окончаніи битвы заплакалъ у трупа...

Теперь тѣ же газеты дополняютъ героизмъ отца величіемъ матери убитаго подпоручика Клавдія Кастельно. Послѣдняя, проводивъ мужа и 5 сыновей на войну, поселилась въ мѣстечкѣ южной Франціи. Ежедневно она ходитъ въ мѣстную церковь исповѣдываться и общаться. Мѣстному настоятелю было поручено передать ей грустную вѣсть о смерти сына. Во время причащенія св. Таинъ рука настоятеля, подносявшая св. дары г-жѣ Кастельно, дрогнула. Взглянувъ въ глаза настоятеля и прочтя въ его глазахъ ожидавшее ее извѣстіе, она не дрогнула и только побѣлѣвшими губами прошептала одно слово: „Который?“...

Является вопросъ: такъ ли бы поступила мать-нѣмка?

Нѣтъ. Она, узнавъ о смерти сына, схватила бы зонтикъ и помчалась на вокзалъ битъ по головѣ привезенныхъ плѣнныхъ. Всякая нація свой характеръ имѣетъ.

Письмо.

Антверпенскій корреспондентъ „Daily Mail“ сообщаетъ письмо одной бельгійской матери къ германской императрицѣ, опубликованное въ газетѣ „Metropol“ и возбудившее всеобщее вниманіе.

„Madame! Я узнала изъ газетъ, что сынъ вашъ Іоакимъ вернулся съ поля битвы раненый и вы при встрѣчѣ съ гордостью любовались Желѣзнымъ крестомъ на его груди. У меня тоже есть сынъ, онъ тоже раненъ, какъ и вашъ, но еще не вернулся. Уже три недѣли молю я за него Господа. Онъ сражался, слава Богу, не подъ одними знаменами съ вашимъ сыномъ, но какъ жена и мать я понимаю вашу радость. Я не питаю горечи къ вашимъ солдатамъ, ранившимъ моего сына. На войнѣ все зависитъ отъ счастья. Но я не могу забыть, что сынъ вашъ заслужилъ Желѣзный крестъ, командуя дикой ордой, наводившей грабежами и убійствами мою бѣдную Бельгію. Неужели вы можете гордиться этимъ? Васъ не смутили никакія мрачныя мысли? Увѣрены ли вы, что его Желѣзный крестъ не запятнанъ, что онъ можетъ считаться почетнымъ отличіемъ за военную доблесть? Увѣрены, что крестъ этотъ снимаетъ отвѣтственность за ту преступную оргію жестокостей, которая изверги учинили надъ моимъ народомъ? Неужели вы думаете, что хоть одинъ офицеръ, а вашъ сынъ менѣе, чѣмъ кто-либо другой, можетъ надѣяться избѣгнуть отвѣта передъ Богомъ за преступления, совершавшіяся цѣлыми недѣлями методически и безпощадно во всѣхъ уголкахъ моей родины? Не вызываетъ ли этотъ крестъ въ васъ, помимо гордости, нѣкотораго содроганія при мысли о томъ, что символъ Христа украшаетъ собою грудь тѣхъ, кто виновенъ въ самыхъ низкихъ насиліяхъ? Я не завидую вашей гордости. Много слезъ предстоитъ намъ осушить, много разваливъ возстановить, но я благословляю Бога за то, что мы можемъ обнять нашихъ сыновей-солдатъ съ гордою увѣренностью, что они воины, а не убійцы!“

Итакъ — за разгромъ мирной Бельгіи сынокъ Вильгельма получилъ Желѣзный крестъ....

Еще Пушкинъ острилъ въ томъ смыслѣ, что времена мѣняются: раньше разбойникъ висѣлъ на крестѣ, а теперь — крестъ на разбойникѣ.

Хамы и ихъ менестрели.

Что только дѣлается! Что дѣлается!..

Въ „Berliner Tageblatt“ появилась небольшая замѣтка, хорошо характеризующая не только грубость германцевъ, но также ихъ явное сочувствіе проявленію этой грубости въ ихъ солдатахъ:

„Въ половинѣ третьяго начался выходъ изъ Мобежа плѣнныхъ и продолжался до 9 час. вечера. Плѣнныхъ отвели на определенное мѣсто, отъуда ихъ потомъ сажали въ поѣзда.“

Къ нашему удивленію, среди плѣнныхъ было всего только 120 англичанъ, отрѣзанныхъ отъ своихъ отрядовъ. Все это были почти мальчики, не старше 20 лѣтъ. При выходѣ изъ города, юные англичане были настолько наивны, что сдѣлали попытку протянуть руку нѣмецкимъ побѣдителямъ въ знакъ своихъ „джентльменскихъ чувствъ“. Повидимому, слѣдуя старому англійскому обычаю, они хотѣли этимъ „schak hands“ показать, что борьба окончена и они ничего не имѣютъ противъ своихъ враговъ. Такъ они, вѣроятно, дѣлали послѣ матча въ футболъ, или послѣ французской борьбы. Однако, наши молодцы отвѣтили на эту „джентльменскую“ попытку нѣсколькими пинками, послѣ чего англичане, пріобрѣвшіе лишній жизненный опытъ, отошли отъ насъ, удивленные недостаткомъ къ нимъ любезности со стороны нѣмцевъ“.

Самые злѣйшіе враги могли бы сочинить про нѣмцевъ вышенаписанное.

Вотъ, дескать, какіе хамы эти нѣмцы.

Но объ этомъ пишутъ не враги нѣмцевъ.

Этимъ хвастаются сами нѣмцы!!

Не напоминаетъ ли тонъ нѣмецкой газеты такой рассказъ:

— Иду это я, братцы, по улицѣ... Идетъ, значить, какой-то пассажиръ у котелкѣ... ну, я его, конечно, толкнулъ плечомъ по сопаткѣ, а онъ мнѣ, значить, говорить „извините“. Ахъ, думаю, — ты же еще и извиняешься! — хрясь его по уху. Онъ — рразъ — на-земь! Я его ногой въ брюхо — рразъ!! Что смѣху было!

Тонъ нѣмецкой газеты приблизительно тотъ же.

Врутъ.

Вообще, нѣмцевъ не узнаешь. Гдѣ они раньше были, такіе?

Лгутъ, виляютъ, изворачиваются.

Вотъ одна изъ ихъ телеграммъ, посланная въ Америку:

Сильный отрядъ Цепелиновъ леталъ надъ Лондономъ. Отряду удалось захватить въ плѣнъ короля Георга, но онъ былъ выкупленъ за 100 милліоновъ марокъ.

По крайней мѣрѣ, хорошо оцѣнили короля Георга. За Вильгельма мы бы и 100 марокъ не дали.

Дѣлаютъ нѣмцы и такъ:

3-го сентября въ иллюстрированномъ приложеніи къ газетѣ „Berliner Tageblatt“ напечатаны фотографіи германскихъ разрушеній въ гор. Калишѣ. Тѣ же самыя фотографіи помѣщены 7-го сентября въ газетѣ Гамбурга „Fremdenblatt“, но уже съ подписью: „Разрушенный русскими (!!!) городъ восточной Пруссіи“.

Однимъ словомъ, то, что въ „синихъ журналахъ“ называется „дежурная фотографія“.

Одинъ и тотъ же снимокъ — и „Гибель Титаника“, и „Толпа встрѣчаетъ англійскихъ запасныхъ“, и „Охотничья команда принца Уэльскаго“.

Національный характеръ.

Каковъ попъ — таковъ и приходъ.

Каковы нѣмецкія сестры милосердія — таковы и раненые:

Доставленные въ Варшаву раненые нѣмцы вызываютъ всеобщее возмущеніе. Отмѣченъ цѣлый рядъ ихъ грубыхъ и жестокихъ выходовъ по отношенію къ медицинскому персоналу. Такъ, въ одномъ госпиталѣ, гдѣ энергично работаетъ мать осужденнаго Биспинга, произошелъ слѣдующій случай: въ отвѣтъ на предложеніе сдѣлать ему перевязку, одинъ изъ нѣмцевъ толкнулъ баронессу ногою, крикнувъ: „Прочь отъ меня, польская свинья“. Другой раненый плюнулъ въ лицо сестрѣ милосердія, сдѣлавшей ему перевязку, третій ударилъ оказавшаго ему помощь врача ножницами въ животъ.

Для такихъ „раненыхъ“ нѣмецкія сестры милосердія, перерѣзывающія горло умирающему неприятелю, какъ разъ по плечу...

Отрывокъ изъ будущей лѣтописи нашихъ дней:

... „Въ нѣмецкомъ лазаретѣ было тихо... Раненые дремали.“

Сестра милосердія неслышными шагами приблизилась къ раненому и, вынувъ изъ кармана кривой ножъ, ласково наклонилась къ горлу раненаго.

Раненый съ трудомъ открылъ глаза, посмотрѣлъ кроткимъ, ласковымъ взглядомъ въ лучистые глаза сестры, схватилъ съ тумбочки ножницы и въ порывѣ благодарности сунулъ ихъ въ животъ сестры.

Раздался веселый крикъ...“

Шаржъ? Нѣтъ, похоже.

Бѣдное сырье.

Извѣстный датскій коммерсантъ, только что возвратившійся изъ Берлина въ Копенгагенъ, рассказываетъ объ ужасной встрѣчѣ на своемъ пути. На одной желѣзнодорожной станціи поѣздъ, въ которомъ онъ находился, чрезвычайно долго стоялъ. Ожидали прихода экстреннаго поѣзда, который, наконецъ, подѣхалъ къ станціи. Онъ прибылъ съ западной границы и былъ необычайной длины. Оказалось, что этотъ поѣздъ былъ весь наполненъ исключительно мертвыми нѣмецкими солдатами. Мертвецы наполняли всѣ вагоны, они были наложены другъ на друга, словно туши скота, до самой крыши. Зрѣлище было ужасающее. Съ нѣкоторыми путешественниками, находившимися въ одномъ поѣздѣ съ коммерсантомъ, сдѣлался глубокой обморокъ.

Берлинскія газеты напишутъ, вѣроятно, объ этомъ такъ:

„Торговля сношенія съ нашими сосѣдями возобновились: мы регулярно стали вывозить сырье и получать цѣлые транспорты обработанныхъ товаровъ“.

Другъ человѣчества.

Въ „Berliner Lokal Anzeiger“ отъ 11-го сентября напечатано слѣдующее письмо нѣмецкаго профессора:

„Наше правительство заявило, что оно, въ видѣ карательной мѣры за употребленіе англичанами и французами пуль „думъ-думъ“, также начинаетъ прибѣгать къ употребленію въ будущихъ сраженіяхъ подобныхъ пуль.“

„Вполнѣ согласенъ, что противъ варварскаго способа веденія войны каждая строгая мѣра будетъ умѣстна. Но, спрашивается, устрашить ли это дикое варварство французовъ и англичанъ?“

«По моему мнѣнію, будетъ гораздо внушительнѣе, если мы заявимъ, что съ извѣстнаго числа, хотя бы даже съ 12 сентября, ежедневно будетъ разстрѣливаться определенное число плѣнныхъ: въ первый день — два, во второй — три и т. д. до пятисотъ, пока наши противники не перестанутъ прибѣгать къ пользованію разрывными пулями.“

Профессоръ д-ръ Э. Р.“.

Говорятъ, что колонія несовершеннолѣтнихъ кретиновъ, помѣщающаяся вблизи Дрездена, избрала профессора Э. Р. членомъ своей общины honoris causa.

Помѣха.

Эрцгерцогъ Іосифъ посѣщалъ раненыхъ въ войнѣ съ сербами австрійцевъ въ Будапештѣ. Онъ имъ сказалъ, что успѣху австрійскихъ войскъ мѣшали поля, засѣянные кукурузой.

Интересно, какой злакъ помѣшалъ успѣху австрійцевъ подъ Львовомъ?..

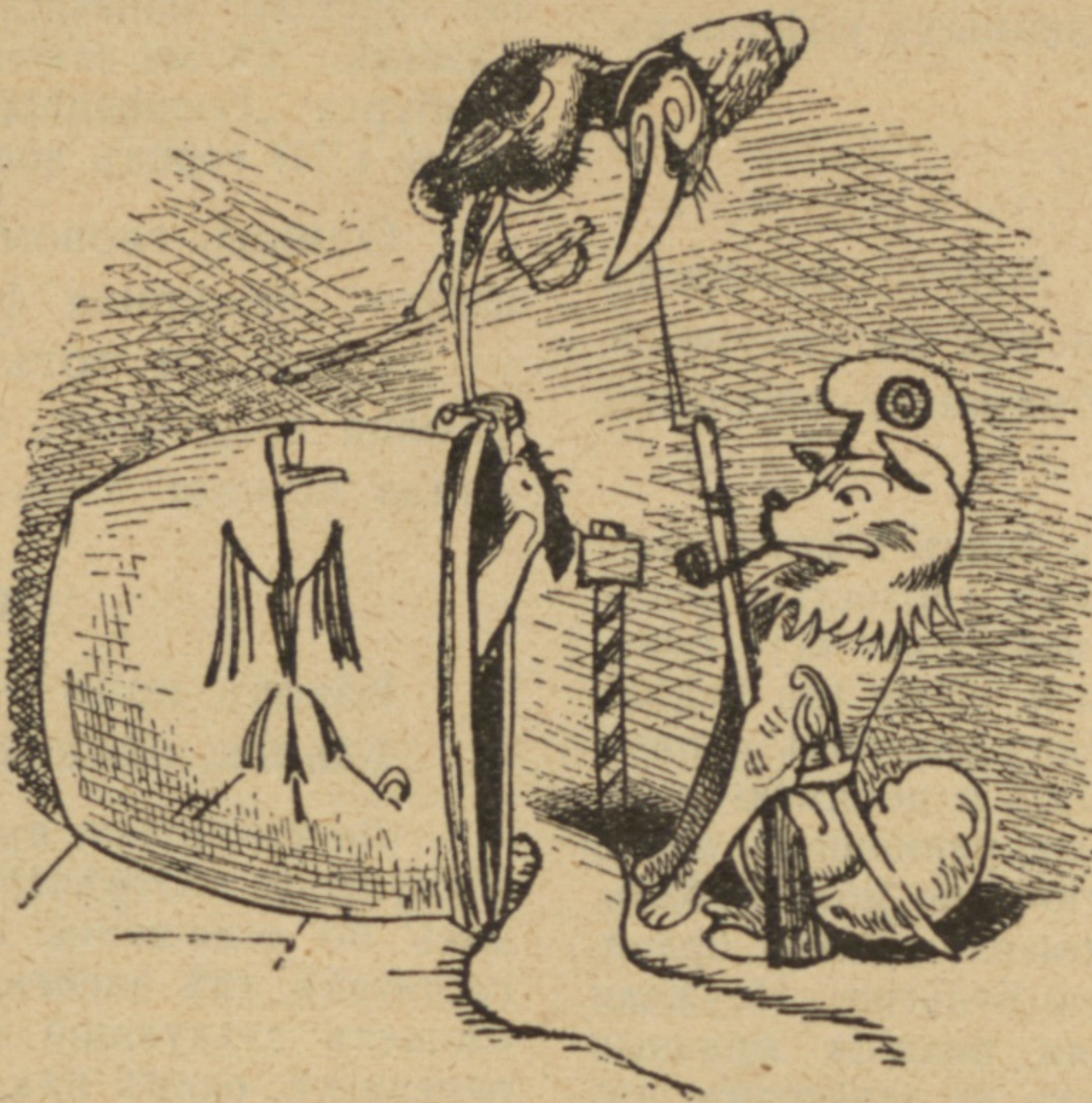
БИТВА ВОРОНЕНКА И КОТА ВАСЬКИ.

(Современная история по Бушу и Радакову.)

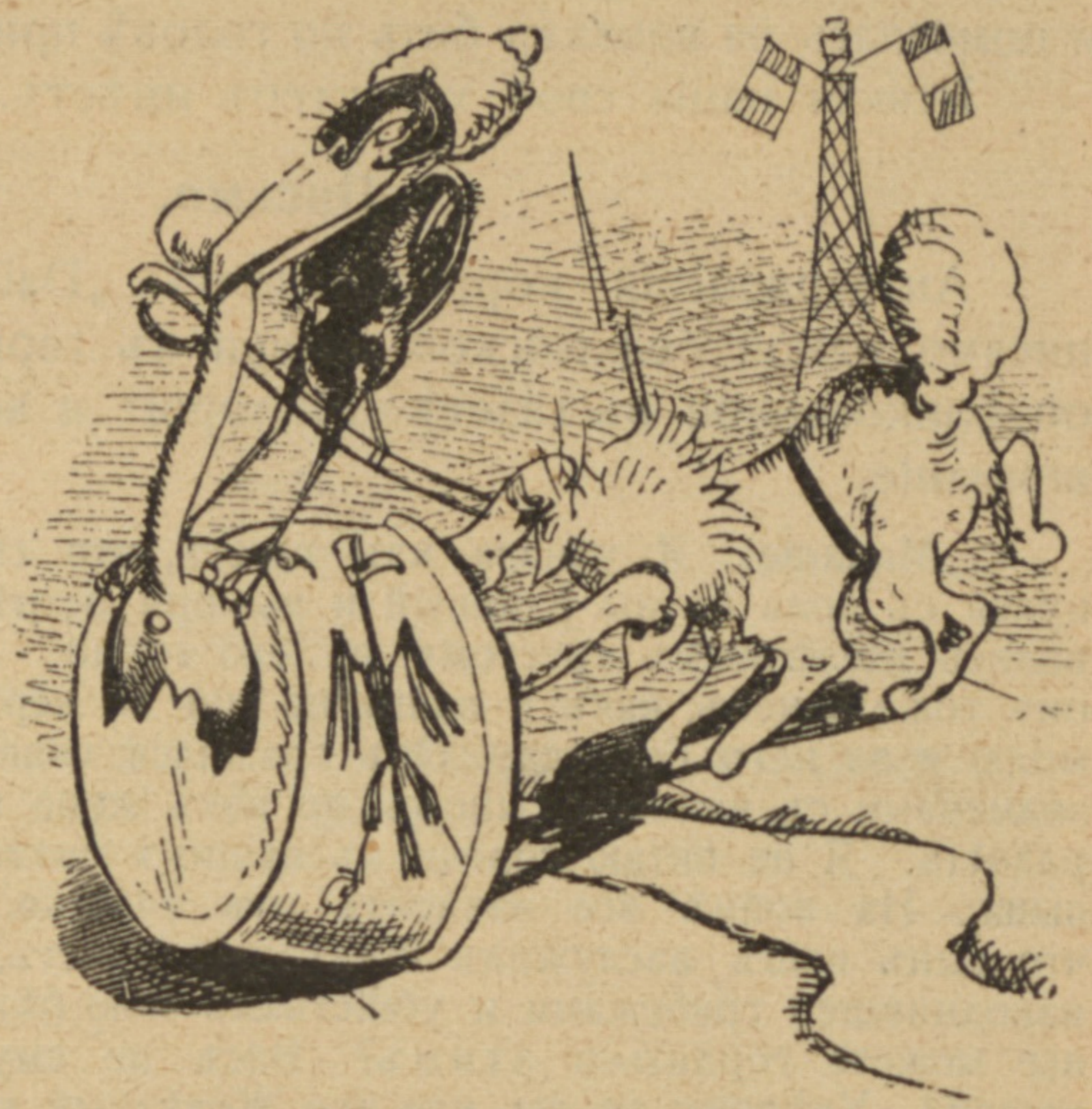
Рис. А. Радакова.

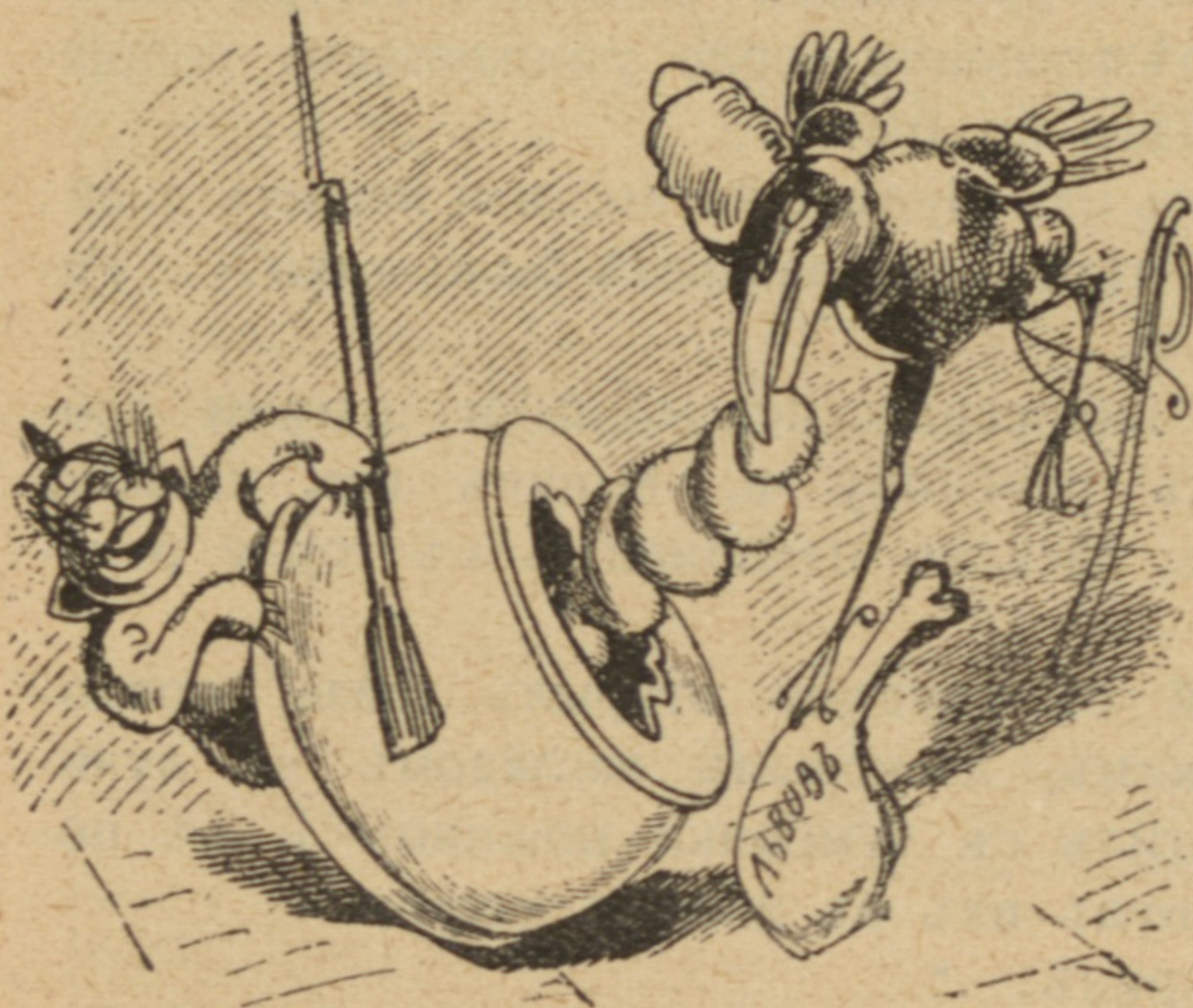
Жиль Вороненокъ. Съ давнихъ поръ
Былъ у него съ сосѣдомъ споръ.
Сказавъ сосѣду: „Вотъ я васъ!“ ..,
Пить пересталъ онъ даже квасъ.

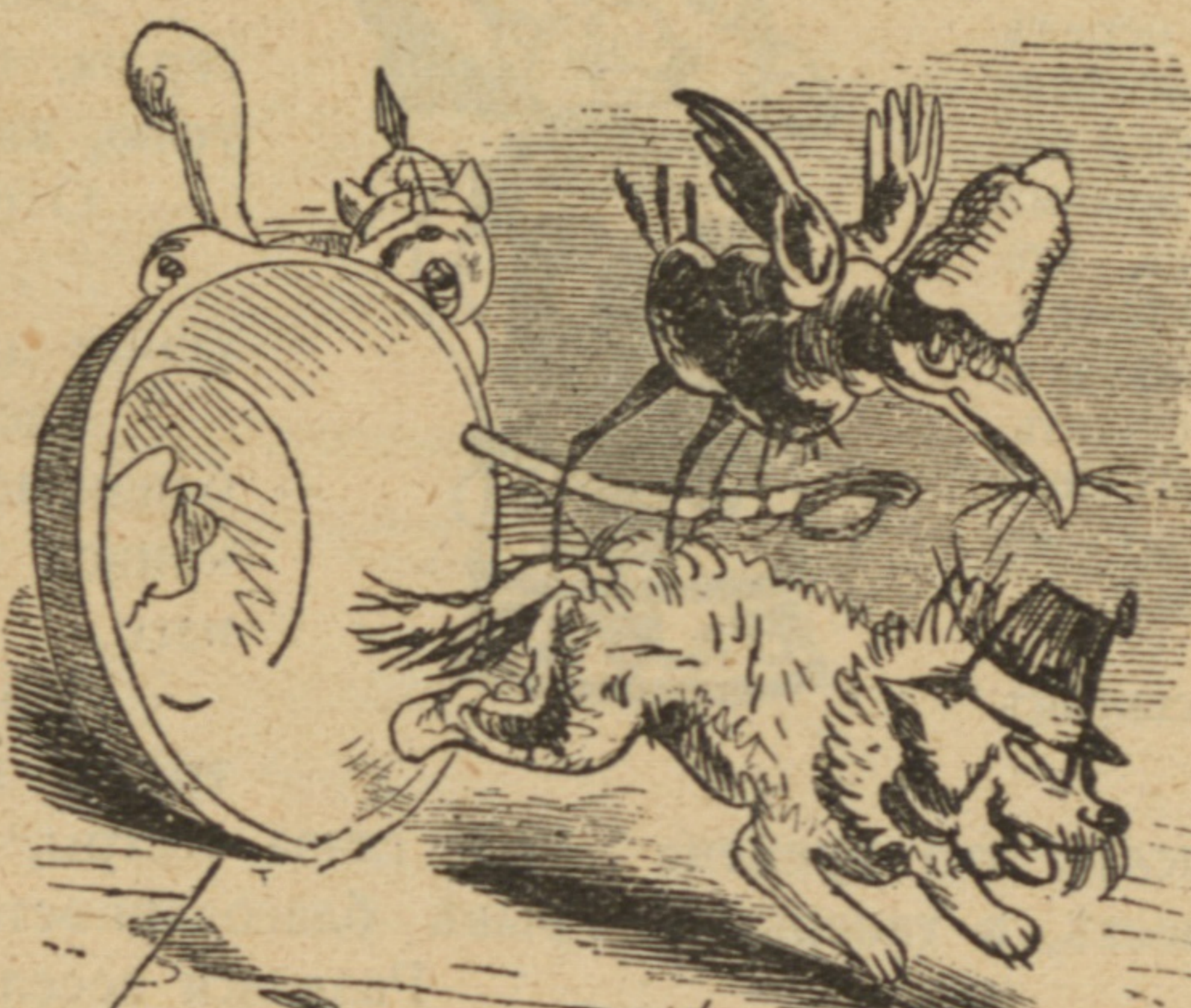
Котъ Васька плутъ, котъ Васька воръ,
Затѣялъ смуту и раздоръ!
Кричитъ: „Склонись скорѣе ницъ
Передо мной, французскій Шпицъ!..“

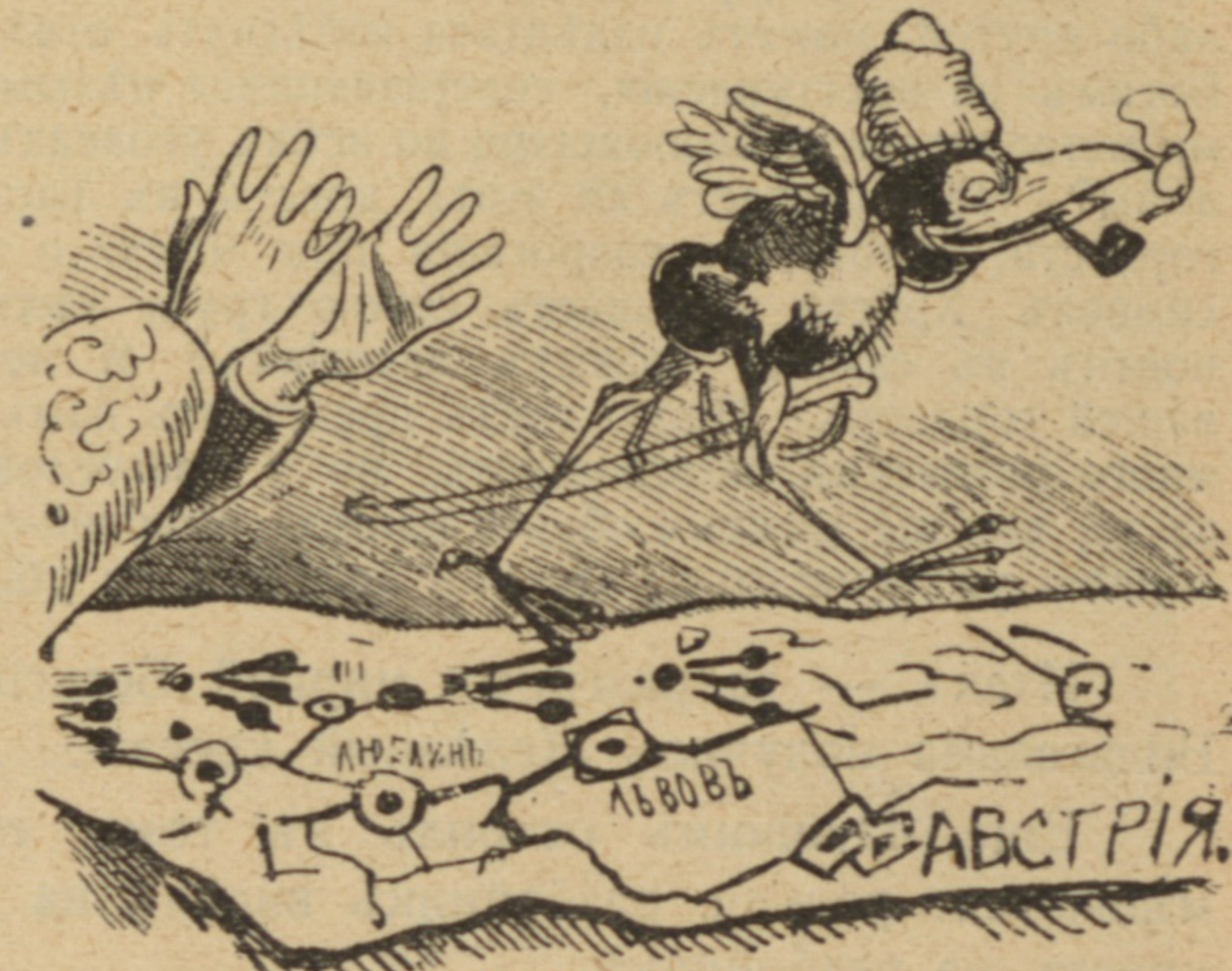
Но Вороненокъ, Шпица другъ,
Кота за хвостъ хватаетъ вдругъ.
Клюетъ и щиплетъ онъ жестоко
Кота-разбойника — съ востока!

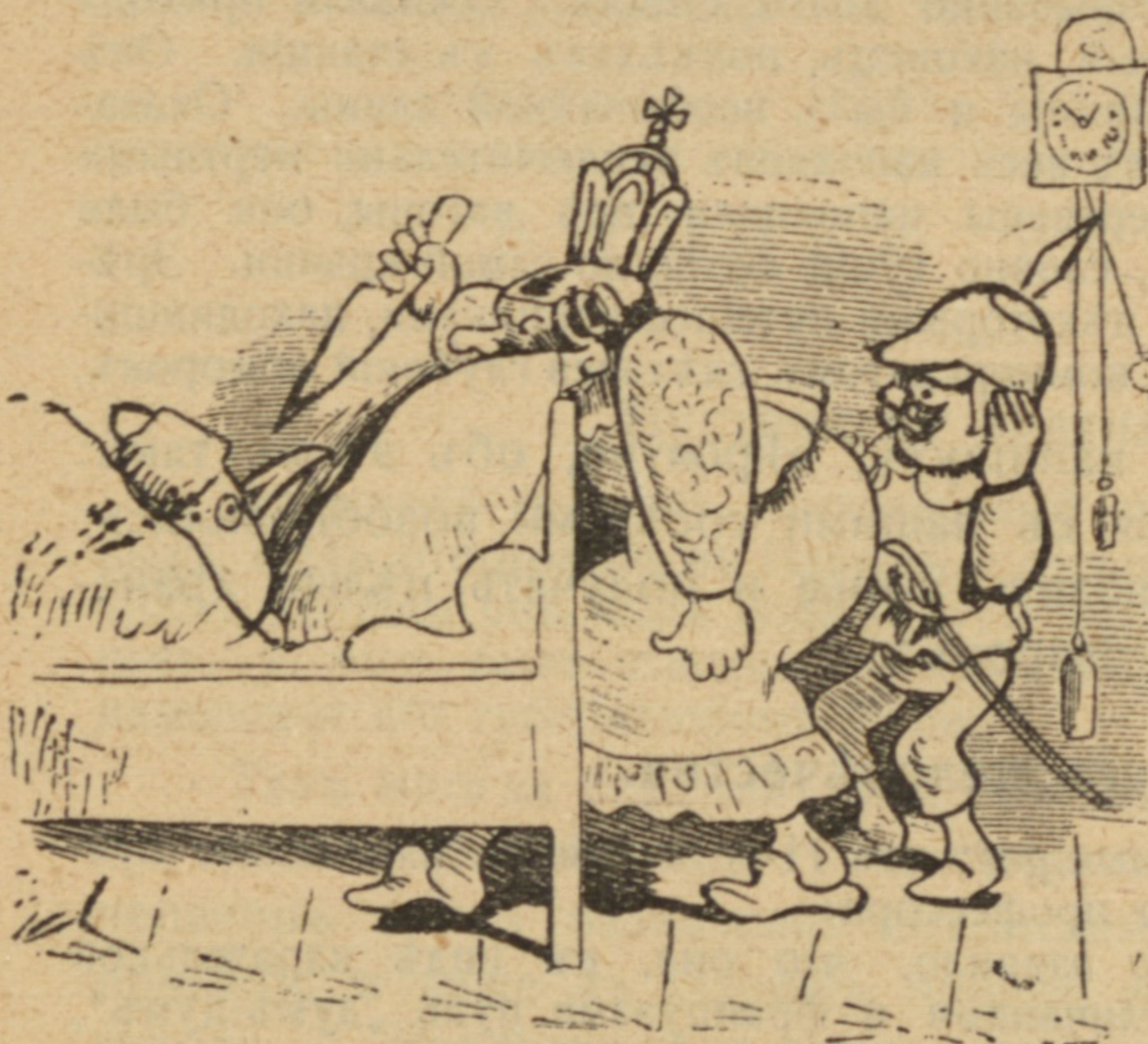
Взвиль Вася! — „Ахъ, — не ожидалъ,
Чтобъ Воронъ хвостъ мой такъ зажалъ!
Хватило смѣлости у птицы
Перелетѣть мои границы!...“

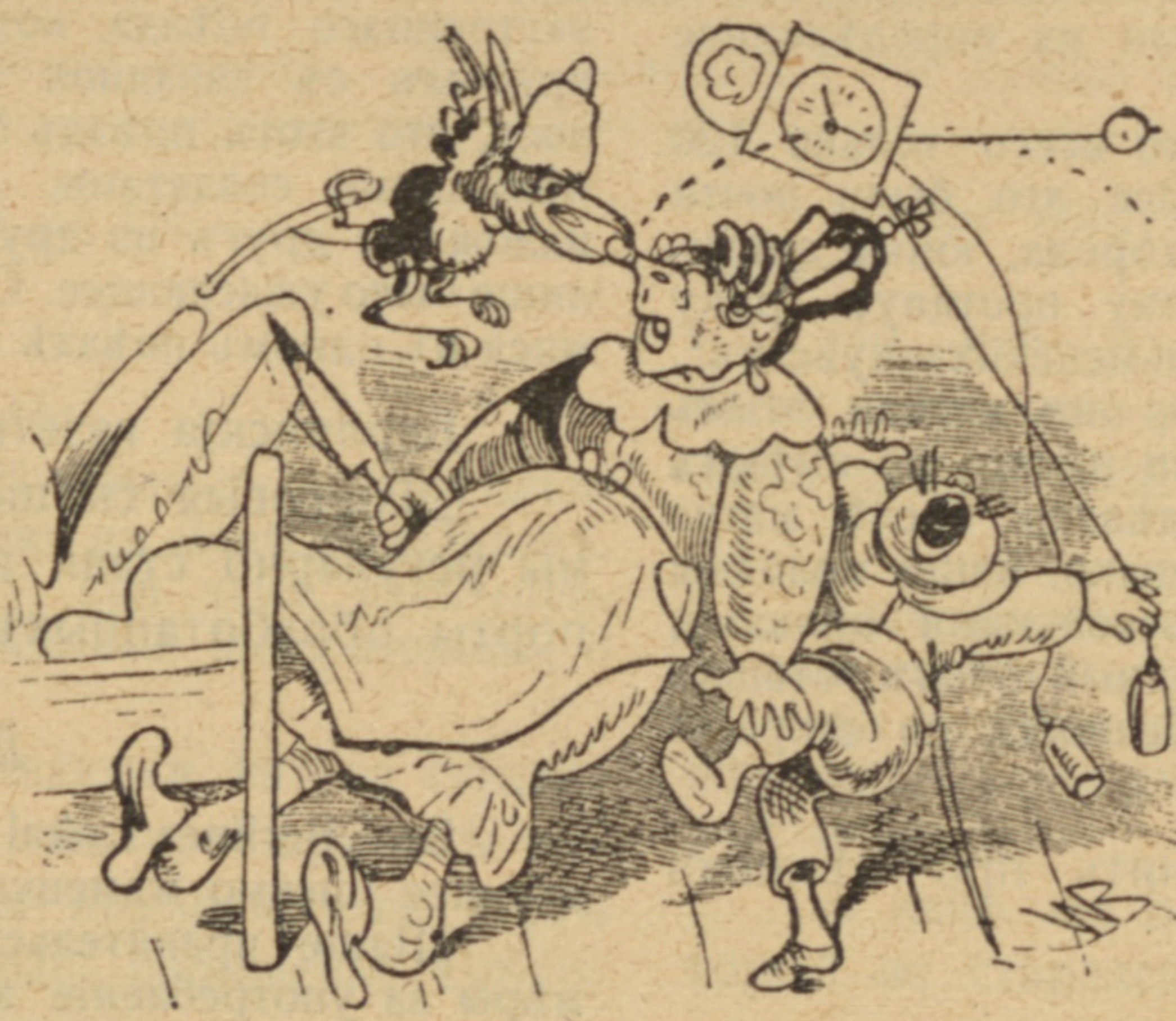
Австрійскій пудель, Васи другъ,
Прилелся, позабывъ недугъ.
Но осѣдлавши, точно Сивку,
Его бьетъ Воронъ по загривку.

„Кра-кра! — кричитъ, — да, Краковъ нашъ!
Вся ваша мощь — одинъ миражъ.
Солдаты ужъ нѣтъ, заряды вышли,
Дрожи же, Францъ-Иосифъ, въ Ишлѣ!“

Тутъ Мать-Германія сама
Вскричала: „Что за кутерьма!?
Ландштурмъ и ландверъ, всѣ за мной,
Въ кровавый бой, въ послѣдній бой!“

Но Вороненокъ не зѣвалъ
Среди нѣмецкихъ одѣялъ.
Какъ тигръ онъ смѣлъ, какъ мысль онъ скоръ,
Клюетъ Германію въ упоръ.
И взвела Мама-Фатерландъ:
„Какой ужасный репримандъ!!“

„И рынковъ нѣтъ, и въ кассѣ шишь!
Ахъ, Вася, ну зачѣмъ ты мнишь
Наполеонъ быть?... Правъ Бебель:
Не Бонапартъ ты, а фельдфебель!!
Какую кашу заварилъ —
Меня, старуху, разорилъ!“

А. Р—въ.

ПОБѢДЫ.

Военный министръ вздохнулъ и сказалъ Францу-Иосифу:
— Ваше Величество, отдадимъ русскимъ Львовъ.
— Отдать Львовъ? Милый мой, да понимаете ли вы, что говорите?! Съ какой стати отдавать?!
Военный министръ вздохнулъ еще глубже.
— Ваше Величество, у нихъ уже назначенъ галиційскій генераль-губернаторъ. Отдадимъ, Ваше Величество!.. Тѣмъ болѣе, что они его взяли.
— Взяли?! Какъ же вы позволили имъ взять?!
— Ваше Величество, они не спрашивали. Такъ безъ спросу и взяли. Извѣстно, азіаты.
— Отобрать!

— Стоить ли, Ваше Величество? Пусть ихъ пользуются нашей добротой. Не обѣднѣемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ваше Величество, будто мы безъ Львова не проживемъ. Что такое Львовъ? Такъ себѣ, городишко паршивенькій.
— Неужели?
Военный министръ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.
— Шнитцеля по-вѣнски изготовить не могутъ тамъ! Подали мнѣ, — жеваль-жеваль да выплюнулъ.
— Ну, тогда не жалко.
— Конечно, Ваше Величество, — обрадовался военный министръ, — мы имъ и Галичъ подсунули.
— То-есть, какъ это?
— Да такъ, Ваше Величество, зазѣвался ихній командующій, мы тутъ-то и подсунули. Смѣху-то сколько было! Мы имъ одинъ паркъ — берутъ, мы второй паркъ — берутъ.

Мы одинъ обозъ — берутъ, мы второй — берутъ. Жадности-то сколько у нихъ, Ваше Величество!..

— А потомъ?

— Мы и стали подсыпать имъ зарядные ящики, денежные ящики, ручныя гранаты... Берутъ и берутъ... Тогда нашъ командующій обратился съ рѣчью къ нашимъ храбрымъ солдатикамъ: «Дѣти мои, вспомните наше славное прошлое!..».

Францъ-Иосифъ отъ волненія привсталъ въ креслѣ.

— Вспомнили?

— Вспомнили, Ваше Величество!

— Воодушевились?

— Ужасно, Ваше Величество! Къ ногамъ русскихъ такъ и посыпались винтовки, а многіе такъ вмѣстѣ съ винтовками и сами валились!.. Такъ воодушевились, что цѣлыми полками и дивизіями... Рѣдкое по красотѣ зрѣлище! Безпримѣрное единодушіе!.. Между солдатами и ихъ начальниками полное равенство.

Францъ-Иосифъ смахнулъ слезу радости.

— А потомъ?

— Потомъ русскіе, отдавая дань ихъ мужеству, отдали имъ и воинскія почести: поставили почетный караулъ, а оружіе сложили пирамидой...

— А потомъ? — нетерпѣливо спросилъ Францъ-Иосифъ.

— Потомъ замѣнили почетный караулъ почетнымъ конвоемъ и пригласили ихъ осматривать достопримѣчательности древнихъ русскихъ городовъ.

Францъ-Иосифъ потеръ лобъ, стараясь что-то вспомнить. На лицо его легла тѣнь. Военный министръ притихъ. Но вотъ лицо стараго императора посвѣтлѣло: онъ вспомнилъ:

— А знамена?!

Военный министръ посмотрѣлъ въ уголь и отвѣтилъ:

— О, Ваше Величество, знаменамъ будетъ оказана высокая честь: ихъ помѣстятъ въ русскихъ соборахъ на почетномъ мѣстѣ. Сотни тысячъ, миллионы — русскихъ гражданъ будутъ гордиться ими, около нихъ всегда будетъ куриться виміамъ... Ваше Велич...

Старый императоръ тихо дремалъ. Военный министръ умолкъ на полусловъ и, повернувшись, на ципочкахъ вышелъ изъ комнаты. Францъ-Иосифу снились... побѣды.

Исид. Гуревичъ.

НѢМЕЦКІЯ ПѢСНИ.

I. Юнкеръ Шмидтъ.

У юнкера Шмидта
Горячая кровь.
Сильнѣй динамита
Къ отчизнѣ любовь.

Шмидтъ по полю мчится,
Ища казаковъ;
Ни пуль не боится,
Ни бомбъ, ни штыковъ.

Грудь ядрамъ открыта.
А ядеръ — потокъ.
А въ ручкѣ у Шмидта —
Всего лишь платокъ.

Глядитъ любопытный
Станичникъ въ «бинокль»:
— Ишь, въ ротъ тебѣ ситный, —
Сдаваться прибѣгъ.

У Шмидта влеченье
Къ двумъ мощнымъ вещамъ:
Къ отрадѣ плѣненья
И къ кисленькимъ щамъ.

У юнкера Шмидта
Отвага въ пруди...
— Эй, дядька Микита,
Ступай, отведи...

II. Мина.

У майора женка Мина —
Божество.
Щечки — кремъ, уста — малина,
Формы — во!

Взглянеть, — сердцемъ такъ и пьется
Левенбрай.

Добродѣтель такъ и льется
Черезъ край.

У майора Пфуля женка —
Вотъ жена!

Горяча, пылка, что жженка,
Но... вѣрна.

И идетъ о Минѣ слава
Прытче пуль:

Неприступнѣй Ярославъ
Фрау Пфуль.

А вѣдь сплетня-то досужа:
Ну да ну...

Проводила Мина мужа
На войну.

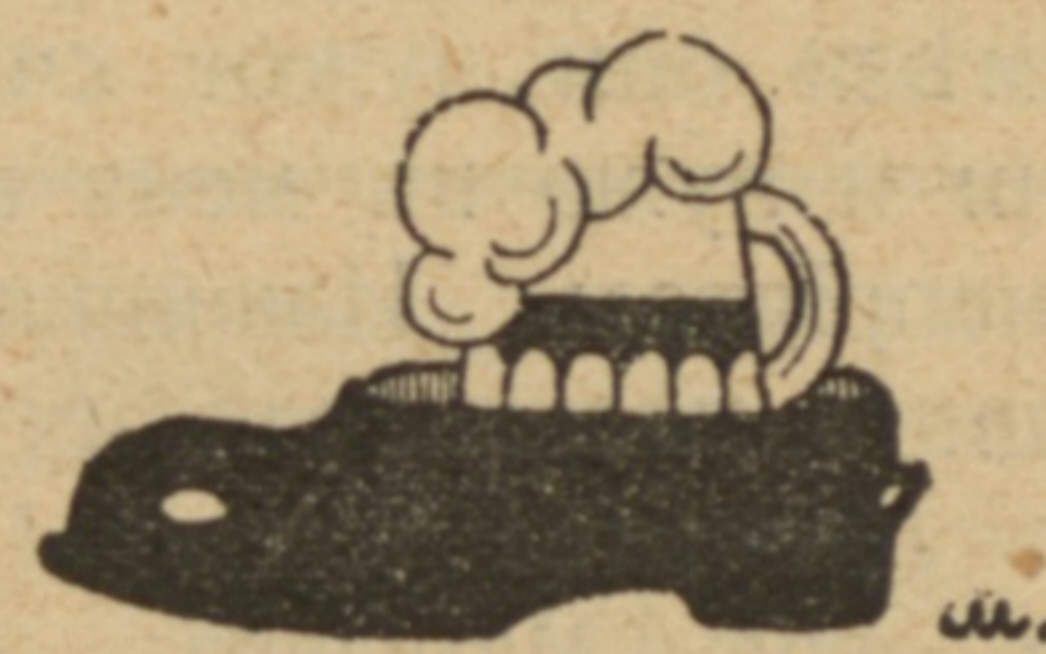
И явился къ неприступной
Юнкеръ Кнопъ,

Парень глупый, видный, крупный...
— «Для чего бѣ?..»

Ахъ, о чемъ они болтали,
Стыдъ поправъ?..»

Вѣсть принеси онъ, будто сдали
Ярославъ...

Евг. Вѣнскій.

МАТЕРИНСКОЕ ГОРЕ.

— Фрау Мюллеръ, на васъ лица нѣтъ! Что случилось съ вами?

— Не говорите, герръ Оберкранцъ, такое горе, такое, что впору бросать все и бѣжать къ непріятелю, сдаваться въ плѣнъ.

— Фрау Мюллеръ, я вамъ не вѣрю. Если бы даже самъ кайзеръ пришелъ и сказалъ: «Оберкранцъ, повѣрь фрау Мюллеръ!» — и то бы я не повѣрилъ. Столько на васъ эти три года сыпалось счастья, что со стороны было завидно.

— Хорошо счастье, если трехъ сыновей угнали на войну.

— Фрау Мюллеръ, всѣхъ угнали.

— Но васъ-то не тронули?

— Вы забываете, что у меня, слава Богу, тройная грыжа.

— Вотъ и неизвѣстно, кто изъ насъ счастливѣе, тотъ ли, у кого грыжа, или тотъ, у кого всѣ три сына вернулись съ войны.

— Это же одинъ восторгъ!

— Нѣтъ, это горе. Я понимаю дѣтей фрау Блюммеръ. Всѣ одиннадцать сидятъ въ плѣну. Ихъ не надо содержать, за нихъ не надо платить денегъ ни булочнику, ни мяснику. А если моя троица вернулась голодной, какъ собака, если всѣ мои сбереженія идутъ на то, чтобы откормить эту троицу? Подумаешь, — рана! Ноготь съ указательнаго пальца сорвало! — Мутерхень, я уже не годенъ для строя, кормите, мутерхень, мою рану! Не идиотъ!? Видишь рану, позаботься о матери, — сдавайся въ плѣнъ. Разъ ты не вояка, — пусть тебя содержитъ непріятель. Да развѣ они думаютъ о матери? Развѣ они понимаютъ, что значить пфеннигъ?

— Но, Богъ дастъ, рана заживетъ?

— Не заживетъ! До конца войны не заживетъ!

— Ноготь-то?

— Вотъ именно — ноготь. Не будь у него ноги, — тогда дѣло другое. Тамъ и повязку самъ не снимешь, и гангрены можно побаиваться. А здѣсь только и дѣла, что зубочисткой рану расковыривать. Ужъ я ему говорю: «Да гдѣ твой разумъ? Какъ я могу имѣть хотя бы чуточку экономіи, если ты будешь на моей шеѣ сидѣть? Что ты, такой-сякой, патриотизмомъ не проникаешься, въ армию не идешь? Обѣдь-то мнѣ вмѣсто десяти пфенниговъ съ вами въ пять марокъ влетаетъ!»

— Ну, ну?.. Понялъ? Почувствовалъ?

— «Пусть, говоритъ, братья тоже идутъ! Почему одинъ я долженъ о вашемъ карманѣ беспокоиться?» А вы думаете, — братья лучше? Старшій взялъ да оглохъ. Не желаетъ слушать даже мать родную, хоть вы тресните. На колѣняхъ умоляла: начни слушать, — нѣтъ тебѣ ни звука.— Это, мутерхень, — объясняетъ средній, — отъ лейтенанта.

— Вреть; такой болѣзни нѣтъ.

— И я тоже говорила. — Вы, мутерхень, ошибаетесь, — отвѣчаетъ. — Это лейтенантъ его кулакомъ по уху ударилъ. Думали и не поднимется, — нѣтъ, слава Богу, ничего.

— Какіе варвары! Вотъ, вы и говорите, что русскіе не дикари.

— Извините, герръ Оберкранцъ! (Обиженно:) Его билъ прусскій лейтенантъ. (Болѣе миролюбиво:) Но, скажите, развѣ можно отъ этого оглохнуть?

— Притворяется.

— Теперь третій. Откровенно говоря, я его всегда недолюбливала, — это былъ самый расточительный мальчишка. И какимъ бы, вы думали, онъ возвратился? Мундиръ порванъ, брюки порваны, рубашка — живого мѣста нѣтъ, ухо оторвано, въ плечѣ пуля, — что же это такое? Милліонерша я, чтобы его снова одѣвать?

— Что и говорить, фрау Мюллеръ... сплошные убытки!

— Что же ты, говорю, такъ и поперся на непріятеля? Умъ-то свой дома позабылъ? — Не ругайтесь, — отвѣчаетъ, — мутерхень, я, сдѣлавъ все, что могъ, и на третій день былъ уже въ плѣну. — Врешь, — кричу, — плѣнные на Уралѣ камень бьютъ! — И я билъ бы, да меня товарищи отбили!

— Ерунда! Сказки!

— Развѣ я не понимаю? — Гдѣ же у твоихъ товарищей глаза были? Какъ смѣли они чужое счастье портить? — У нихъ спросите. Они и пулю въ меня всадили и ухо оторвали. Думали, что непріятель. Извинялись потомъ... Да что мнѣ, бѣдной женщинѣ, пользы отъ ихъ извиненія? И сидятъ, вотъ, на моихъ плечахъ! Сидятъ!

— Что жъ дѣлать, фрау Мюллеръ... Все-таки утѣшеніе у васъ есть, что дѣтей не убили.

— Это не утѣшеніе. Мои дѣти достаточно храбры, чтобы цѣленькими въ плѣнъ попасть! Да, вѣдь, я отъ зависти чашотку могу схватить... Куда ни посмотрю, вездѣ довольныя, счастливыя лица... — Въ плѣну? — Далъ Господь... — Каково мнѣ это слышать...

— Да... Хлещетъ васъ судьба... Хлещетъ...

— И думала я: ладно, прокормлю какъ-нибудь своихъ... Зато вернутся года черезъ два изъ Россіи ихъ невѣсты, — все взыщу до копейки... Взыскала, какъ бы не такъ! Черезъ недѣлю другая тройца жалуетъ!! Я на нихъ: да какъ же вы смѣли? — Конечъ, говорятъ, намъ! Не только что въ кафе-шантанахъ, а на улицѣ двугривеннаго не зарабатываешь. — Это съ ихъ манерами? Съ ихъ красотой? — Ничего не подѣлаешь, бойкотъ нѣмецкихъ товаровъ! — Да, вѣдь, вы же дуры по-французски смыслите! Ну, и выдавайте себя за французенокъ. — Извините, мутерхень, мы не сообразили. — Нѣтъ-съ, кричу, теперь я вамъ не мутерхень! Теперь вы ни разу не переступите черезъ порогъ моего дома!

— Какая трагедія, Боже, какая трагедія...

— Да... И, вотъ, я теперь и безъ денегъ и безъ невѣсты... И вы думаете, у меня языкъ повернется сказать, что виновата война? Нѣтъ-съ, не война, а глупость человѣческая виновата, вотъ что!

Длительная пауза. Два вздоха.

— Да... трудно быть родителями!!

Евграфъ Дольскій.

ВОИНЪ.

Письмо съ театра войны германскаго офицера, — lieber'a Augustchen'a», — своей дорогой мамочкѣ.

(На мотивъ: «O, mein lieber Augustchen, Augustchen, Augustchen!»).

«Шлю привѣтъ я миленькой, добренькой мамочкѣ!
Я съ собой везу ваши прописи въ рамочкѣ!

Лишь полѣзу я за печеньями въ сумочки, —
И о васъ плывутъ въ головѣ моей думочки.

Подъ дождемъ вчера, хоть и съ Фрицемъ, намокли мы,
Но не разставались геройски съ моноклями.

Хоть тревожатъ насъ отступленьями скорыми,
Мы по часу съ Фрицемъ сидимъ надъ приборами.

А вчера — представьте! — предъ самой побѣдой,
Чуть толкнулъ въ строю, оступившись, сосѣда я —

И не извинился!.. Но я, тѣмъ не менѣе,
Помню крѣпко ваше всегда наставленіе:

«— Раймсь ли завоюете, вступите въ Льежъ ли вы, —
Будьте, умоляю васъ, дѣточки, вѣжливы!»

Мамочка, простите, какая вы спорщица:
Нѣтъ, мундиръ мой новый въ плечахъ не топорщится!

Онъ сидитъ прелестно!! На немъ ни морщиночки!
Будто нарисованъ на модной картиночкѣ!..

Есть у насъ солдаты: хоть съ воинскимъ рвеніемъ,
Но... не чистятъ обуви предъ наступленіемъ!!

Такъ въ походъ и лѣзутъ съ ботфортами пыльными!
Съ пятнышками грязи, нерѣдко обильными!!

Фрицъ взялъ въ плѣнъ француза, но Фрицъ оскандалился:
Былъ онъ безъ перчатокъ!! Я долго печалился...

Помню ваше слово: — «Не будьте угрюмыми...
Хорошо слѣдите въ бою за костюмами!»

Я слѣжу на славу: не порчу нисколько:
Жаловаться грѣхъ мнѣ на ратное полечко!

Хорошо, конечно, быть Deutschland спасителемъ,
Но въ борьбѣ за Deutschland — блеснуть свѣжимъ кителемъ!

Ну, прощайте, мамочка!.. Фрицъ проситъ кланяться...
Охъ, ему отъ васъ, въ свое время, достанется!..

Ѣмъ печенья ваши и въ пудрѣ смородину...
И въ перчаткахъ бѣлыхъ сражаюсь за родину!»

Михаилъ Пустынинъ.

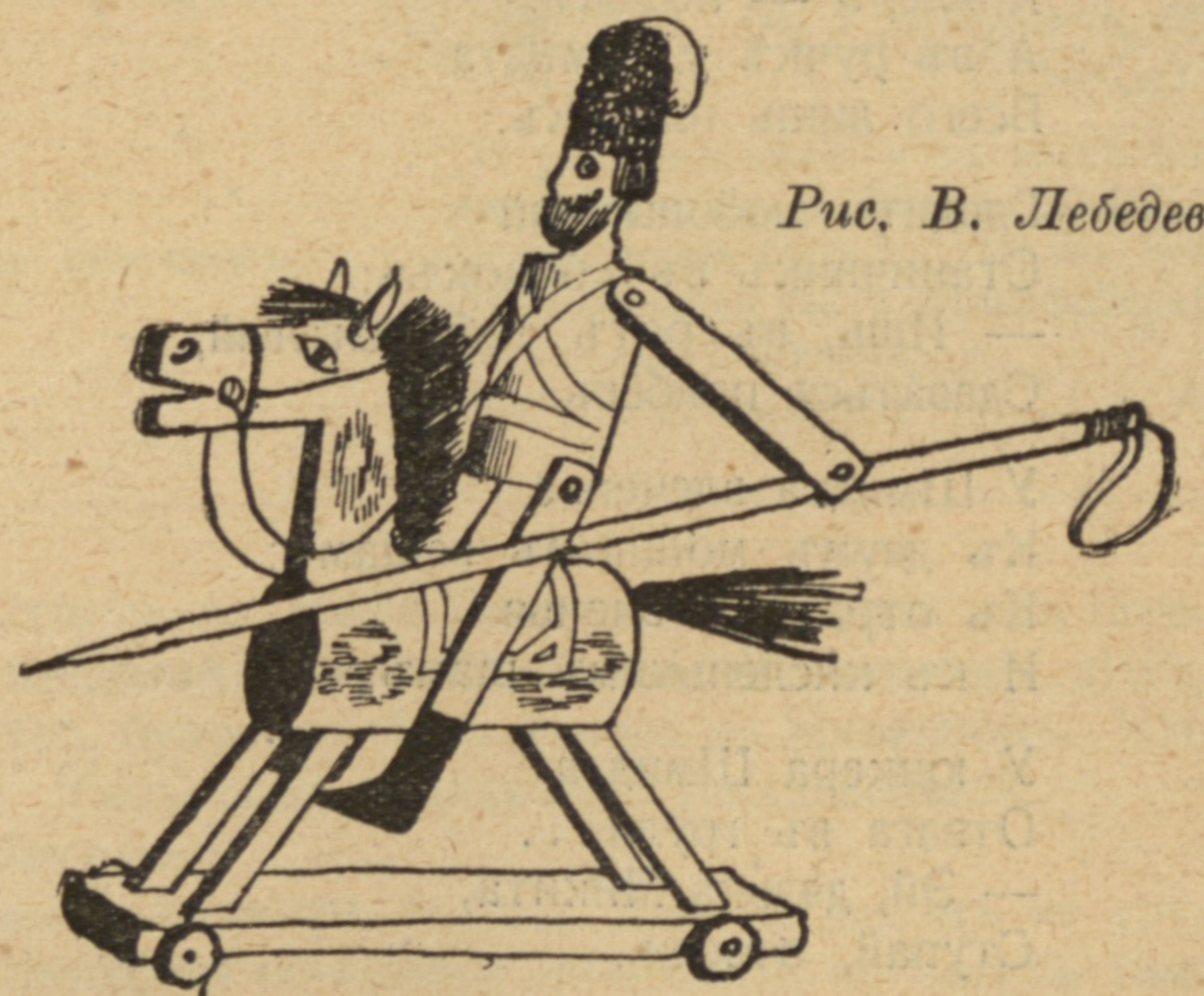

Рис. В. Лебедева.

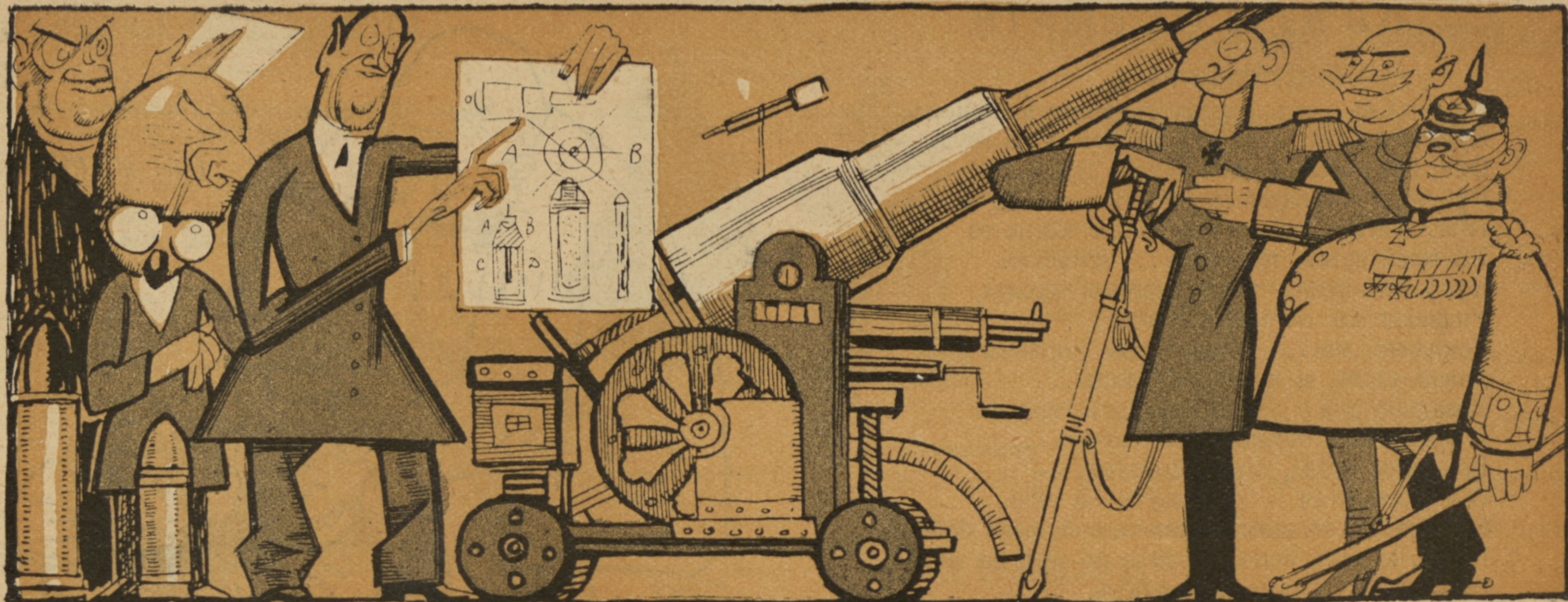
ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

На дняхъ выходитъ въ свѣтъ и поступаетъ въ продажу новая книга (выпускъ Дешевой библиотеки) **Аркадій Аверченко.**

„О нѣмцахъ и о прочемъ такомъ“...

Обложка раб. Ре-Ми. □ = □ Цѣна 10 коп.

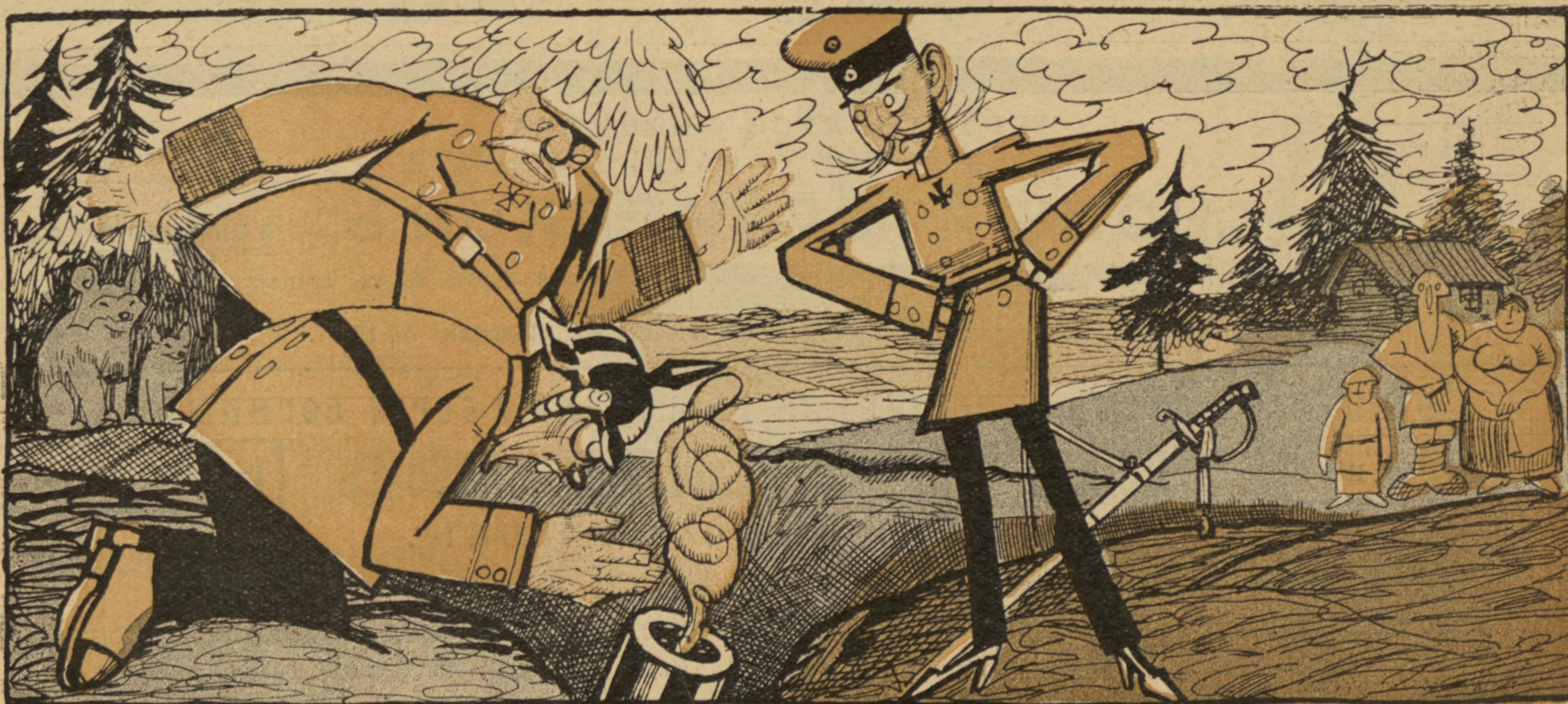

Долго работали нѣмцы надъ созданиемъ необыкновенной пушки. Физики, механики, техники, инженеры, военные, — всѣ работали не покладая рукъ и головы и создали дѣйствительно пушку. Снаряды летѣли очень далеко и такъ быстро, что даже нѣмецкій фельдфебель не успѣвалъ въ это время выбить болѣе 100 зубовъ. Словомъ, — всѣ были очень довольны.

Но когда начали стрѣлять, снаряды перелетали черезъ всю маленькую Францію — попадали въ нейтральную Голландію, а французы спокойно могли подойти къ орудію и нѣмцамъ непріятность саблей сдѣлать. Голландцы же — обижались... Долго думали нѣмцы, какъ горю пособить, и додумались: „Перетащимъ, братцы, пушку въ Россію, — тамъ мѣста много“.

Перетасили — выпалили. Попало ядро куда-то въ Камчатку. Убило ядро мирно спавшаго тюленя, почтеннаго отца семейства, и въ воду упало, — только и всего. А пушка въ грязь, отъ сильной отдачи, по носъ ушла. Утонула отъ тяжести отъ своей... Не учили нѣмцы русскихъ дорогъ, русской распутицы.

Изъ сего мы видимъ, дѣтки, что правъ тотъ мудрецъ, который сказалъ: на всякаго мудреца довольно простоты!

ЦВѢТЫ ОСЕННИЕ.

1. Старикъ.

Вы видѣли, какъ листья съ тихимъ шумомъ,
Кружась, летятъ, летятъ къ землѣ на грудь, —
Они, какъ юности осмѣянные думы,
Поблекли... падаютъ, чтобъ навсегда уснуть.
И я одинъ... Все, что цвѣло когда-то
Въ моей душѣ, поблекло... отцвѣло.
Какъ мнѣ родна теперь печаль заката,
Упавшая въ оконное стекло...
Довольно дня... Волшебныя картины
Давно ушли, и я теперь одинъ...
Довольно дня... пора спускать гардины
И растопить осенній мой каминъ...
Все юное ушло, полно отвагой, —
Они торопятся — они идутъ на сѣчь,
О, если бѣ къ нимъ! напитокъ буйной брагой,
Но... колеть бокъ... да и по мнѣ ли мечъ?...
Они идутъ любить и умирать,
А мой удѣлъ — грустить да, — вотъ, — брюзжать!..

2. Сестра милосердія.

У нея коричневое платье,
Бѣлый фартукъ съ символомъ Христа.
Ея вѣра радостно проста:
Всѣ вокругъ — ея родные братья...
Въ сердцѣ боль, но точно боль отвѣта
На давно отцвѣтшую любовь...
Все привычно... Стѣны лазарета,
И бинты, и даже эта кровь...
Передъ ней все новыя утраты,
И она встрѣчаетъ ихъ шутя,
Лишь порою, выйдя изъ палаты,
Вдругъ заплачетъ горько, какъ дитя!..

3. Мать.

Разсвѣтъ... Таетъ лунный серебряный снѣгъ,
Печально уходитъ съ угловъ паутина,
И стрѣлки свершаютъ заученный бѣгъ,
А время такъ пусто... а время такъ длинно...
Придетъ почтальонъ... Тревожно и строго
Прочтетъ она пестрый листокъ.
И ищутъ чего-то глаза между строкъ,
А думъ безотвѣтныхъ такъ много... такъ много...
Предъ ней только тѣни загадочной были, —
Вѣдь писемъ недѣлю какъ нѣтъ отъ него...
Газетныя строки куда-то уплыли...
— «Что, мама, ты плачешь?» — «Да такъ... ничего...»
И тихо... Пройдетъ на привычномъ экранѣ
Весь день отъ утра до утра...
Все тихо, — лишь мальчикъ кричитъ передъ няней:
— «Мы нѣмцевъ побили... Ура-а-а!!»

С. Михѣевъ.

Рис. Н. Радлова.

ИСКУСНЫЙ ВРАЧЪ.

Нѣмецкіе доктора послѣ объявленія войны,
когда русскіе пациенты остались безъ де-
негъ, сдирали съ нихъ вмѣсто гонорара
кольца и серьги.

— Я удаляю не только почечные камни, но и ушные!

НАТУРА.

— Мы, нѣмцы, всегда съ малаго начинаемъ, — скромно
сказалъ прусскій лейтенантъ, прикалывая ребенка...

* * *

Событія клонятся къ тому, что „тройственное согласіе“
хорошенько отколотитъ безхарактерную Турцію, но это не
смутитъ султана:

— Гы...ы! — осклабится онъ — видалъ миндаль: съ
Турціей теперь тоже считаются!

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к.,
на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ СЕРІЯ ВОЕННЫХЪ

I СЕРІЯ (6 шт.)

художественныхъ открытыхъ писемъ

I СЕРІЯ (6 шт.)

издательства „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Рисунки художниковъ: И. Билибина, Миссъ, А. Радакова и Ре-Ми.

ЦѢна серіи 40 коп., съ пересылкой 50 коп.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.Комфортабельные
кабинеты.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ Николаевѣ какой-то оборотистый Ю. Якубовичъ издаетъ „Телеграммы Петроградскаго Агентства“.

Редактируются телеграммы такъ:

„Генераломъ Вукотичемъ австрійцы от-
ражены, близъ Чайницы, котораго (?) онъ
занялъ.“

Очевидно, Якубовичъ думаетъ, что Чай-
ница — тоже генералъ, котораго Вукотичъ за-
нялъ какимъ-нибудь дѣломъ... Поручилъ ему
учить грамотѣ Якубовича, что ли.

Тотъ же Якубовичъ думаетъ, что Мес-
саджеро — это городъ („изъ Мессаджеро сооб-
щаютъ...“), и что Нью-Йоркгеролдъ (?) тоже городъ.

Думаетъ Якубовичъ: заверну когда-нибудь въ Мессаджеро, пожи-
ву тамъ денька три, а потомъ пароходомъ махну въ Нью-Йоркгеролдъ.
Добраго пути, Якубовичъ!

Кстати: не удивляется ли Якубовичъ, что его родной городъ на-
зывается Николаевомъ? Не думаетъ ли онъ, что это то же, что Ми-
колаевъ?

Эхъ, Якубовичъ!

Отрывокъ изъ кинематогр. программы въ Поселкѣ Торговомъ:
„Венеціанская рыбка пойдётъ сверху программы вслѣдъ за
картиной“.

Даетъ же Богъ такую способность простой рыбачкѣ!

Оттуда же:

Спеціально для дѣтей — фарсъ(?) по Пушкину „Сказка о ры-
бакѣ и рыбкѣ“.

То же, что „скэчъ А. С. Пушкина — „Борисъ Годуновъ“.

Въ „Синемъ Журналѣ“ (№ 32 отъ 28 августа 1914 г.) напеча-
тано объявленіе:

Кто желаетъ жениться?

Благодаря популяр. нашего учрежд. и больш. связямъ во всѣхъ
слояхъ общества, къ намъ непрер. поступ. заявл. отъ жел. въ скор.
врем. выйти замужъ **барышень и дамъ** съ придан. отъ 3.000 до
400.000 руб. Поэтому мы приглашаемъ жениховъ также запи-
саться въ число нашихъ кліентовъ. Серьез. предложенія адрес.:
А. БЛЮГЕРУ, БЕРЛИНЪ 112. Германія. (Письма оплач. 10 коп.
мар. На отв. 10 коп. мар.).

Вполнѣ естественно, что послѣ разгрома на Марнѣ, гдѣ пали
сотни тысячъ нѣмцевъ, берлинскія брачныя фирмы серьезно озабоче-
ны импортомъ жениховъ изъ-за границы, но непонятно, — почему рус-
скій подданный Корнфельдъ занимается организаціей этой живой
всенной контрабанды...

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 98.

Дешевая юмористическая библіотека

Вышли и поступили въ продажу
слѣдующіе выпуски:

- № 1—12. Аркадій Аверченко.
- № 13. Тэффи.
- № 14. Ландау.
- № 15. Аркадій Аверченко.
- № 16. О'Л. Д'Орѣ.
- № 17. Аркадій Аверченко.
- № 18. К. Милль.

Цѣна выпуска 10 коп.

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО СА-
ТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются
по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обяза-
тельства давать письменные отвѣты на
запросы случайныхъ сотрудниковъ. Руко-
писи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс.,
уничтожаются).

А. Петроградъ.

Тихону — Царское село. — Не подошло.

Б. Провинція.

Гагры — См. До. К. — Въ трехъ мѣстахъ у васъ попадаетъ
фраза:

„Шрапнели съ какимъ-то дьявольскимъ хохотомъ рвались надъ
головой“.

А вы ихъ не смѣшили бы.

Самара — Стрекулисту. — „Лѣтняя картинка“.

Въ травѣ кричатъ стрекозы
И пахнутъ очень розы,
А также красный макъ
Я отъ жары не нахожу покоя никакъ.

Не знаемъ, бранить ли вашихъ родителей или выразить имъ
свое соболѣзнованіе.

Смѣгянскому, здѣсь. — „Наконецъ-то и я разрѣшился ребе-
ночкомъ для милаго „Нов. Сатирикона“.

Увы... Выкидышь. Въ корзину.

Н. Д.

Гг. Директорамъ театровъ.

Во избѣжаніе излишнихъ запросовъ и недоразумѣній сообщаю,
что исключительное право на постановку моихъ одноактныхъ пьесъ
дано мною:

на Ростовъ н/Д. Французск. театру миниатюръ (режисс. Д. Гутманъ),
на Москву — Вас. Мих. Вронскому,
на Харьковъ — театру С. Ф. Сарматова.

Аркадій Аверченко.

Р. С. Вышеозначенное имѣетъ отношеніе только къ театрамъ
миниатюръ, не касаясь большихъ театровъ, имѣющихъ попрежнему
право безпрепятственно ставить мои пьесы.

А. А.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Состоящій подъ **ВЫСОЧАЙШИМЪ** покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
СКОБЕЛЕВСКІЙ Комитетъ,

открывая госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, — при-
зываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ, кого такъ горячо лю-
билъ незабвенный Михаилъ Дмитриевичъ СКОБЕЛЕВЪ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться, такъ какъ всякое пожертвованіе,
какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, Петроградъ, Пески, Мытнинская ул. № 27.

НА СМЕРТЬ РЕЙМСКАГО СОБОРА.

Старинный храмъ, красивая эмблема
Сердце, стремящихся мечтой за облака,
Ты воплотилъ, какъ Дантова поэма,
Въ себѣ единомъ средніе вѣка!

Ты зрѣлъ побѣды Орлеанской дѣвы,
Ты самъ вѣнчалъ великихъ королей,
Но кротко встрѣтилъ праведные гнѣвы
Повстанцевъ, хлынувшихъ изъ градовъ
и съ полей...

А въ наши дни ты вдохновлялъ искусство,
Быль бережно хранимъ, чтобъ передать
вѣкамъ

Дарохранительницу чувства,
Уже невѣдомаго намъ...

У стѣнъ твоихъ текла исторія народовъ,
Какъ многоводная и бурная рѣка,
Свидѣтель битвъ, возстаній и походовъ,
Незыблемо ты простоялъ вѣка...

Вѣка! — чтобъ въ наши дни стать жерт-
вою вандаловъ,
Чтобъ въ нѣсколько часовъ подъ хищ-
ный ревъ мортиръ
Распалось кружево фасадовъ и порта-
ловъ, —
И рухнулъ въ прахъ готическій кумирь...

И дрогнулъ міръ отъ боли и позора...
И будутъ вѣкъ развалины кричать:
„На нѣмцахъ Канна печать —
Убийцы Реймскаго собора!“ Красный.